

УТВЕРЖДАЮ
Ректор Уральского федерального университета
кандидат технических наук, доцент
Обабков Илья Николаевич

2026 г.

(гербовая печать организации)

ОТЗЫВ

ведущей организации, Уральского федерального университета, о
диссертационном исследовании Сикацкой Полины Алексеевны
«ИЗМЕРЕНИЕ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ
ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА», представленной к защите на соискание ученой
степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.8 —
Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика
(филологические науки)

Диссертация П. А. Сикацкой посвящена вопросу оценки эквивалентности художественного (в частности, поэтического) перевода оригиналу. Вопрос этот проблемный, во многом спорный, а кроме того, решаемый, вероятно, в каждую эпоху существования переводоведения по-своему. На донаучном этапе, когда у теории перевода не было собственных методов сопоставительного анализа, проблему соответствия оригиналу решали критики. Далее, в 1950–60-е гг., лингвистическое переводоведение «встало» на научные рельсы, проблему стали решать ученые, однако в то

время не было современных технических средств (в частности, компьютеров, таблиц Excel и пр.), поэтому вопрос решался тоже в известной степени субъективно. Современному переводоведению нужны точные методики¹, поскольку в XXI в., веке точнейших компьютерных разработок и шагающего вперед семимильными шагами прогресса, сказать просто: «Этот перевод хороший / плохой», «Этот перевод качественный / корявый» (см. с. 20) – значит, выразить субъективную оценку, далекую от научной картины мира. В этом смысле рецензируемая диссертация **актуальна**: в ней осуществлена попытка объективной оценки переводов, выполненных в наименее объективном функциональном стиле – художественном. На вопрос, зачем оценивать субъективные переводы, а уж тем более их сопоставлять (ведь каждый художественный перевод хорош по-своему), справедливый ответ дан в самом начале работы – на с. 5: «...при изучении подобных текстов и их переводов читатель сталкивается с трудностями выбора подходящего ему текста из множества».

На с. 6 корректно формулируются **объект** («степень эквивалентности всех анализируемых русских переводов по отношению к оригинальным текстам») и **предмет** («критерии и способ измерения степени переводческой эквивалентности поэтического текста») исследования. Заметим только, что эквивалентность – это и есть степень содержательного соответствия перевода оригиналу. Несмотря на плеонастичность, сочетание «степень эквивалентности» часто встречается в научных работах (1147 случаев по данным сайта elibrary.ru), а значит, может быть оценено как корректное. Приятно видеть в формулировке объекта слово *всех*: как будет далее видно из материала, исследователь вовлекает в выборку все переводы, которые ей удалось обнаружить (а у отдельных стихотворений их число превышает 40 и даже 50!). Формулировка **цели** («разработка и апробация авторской методики количественного подсчёта достигнутой переводческой эквивалентности на

¹ См.: Бортников В. И. Категориально-текстовая идентификация вариантов художественного текста : дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2015. С. 4–5.

основе существующих отечественных и зарубежных концепций, теорий и моделей эквивалентности, а также внедрённых дополнительных методов», с. 6) также нареканий не вызывает.

Новизну исследования П. А. Сикацкая видит в создании авторской методики измерения переводческой эквивалентности поэтического текста (с. 7). Добавим, что новым является не только создание, но и применение данной методики. Разработанные в теории и применённые на практике показатели эквивалентности (слово «коэффициент» здесь может быть поставлено под сомнение, поскольку предполагает арифметическую операцию умножения²) применимы не только к случаям множественности переводов, но и в случаях, когда переводов анализируемого текста существует мало (минимум – 1). Несомненна **адекватность использования предложенной методики** (разработанной, как заявлено в цели, «на основе существующих отечественных и зарубежных концепций») на практике.

При описании **теоретической значимости** (с. 8) исследователь делает упор на взаимосвязанность проблем множественности переводов и достижения переводческой эквивалентности. Соглашаясь с автором работы, заметим снова, что эквивалентность может быть достигнута в той или иной степени, даже если перевод на ПЯ существует один (он просто будет высокоэквивалентный или, например, низкоэквивалентный; первое не предполагает существования второго и наоборот). **Практическая применимость** разработанной методики несомненна: «полученные результаты и методику в готовом виде можно использовать в дальнейших научных изысканиях при рассмотрении и изучении поэтических текстов» (с. 8). Оценена также применимость методики для практикующих переводчиков и для обучения будущих представителей этой профессии.

Положения, выносимые на защиту, представлены на с. 7. Сформулированы они грамотно и четко, сомнений не вызывают. Ценным

² См.: Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / РАН; отв. ред. Н. Ю. Шведова. М., 2011. С. 374.

представляется указание на применимость методики к текстам, «не подвергавшимся многократному переводу» (положение 1). Укажем на дискуссионность слова «коэффициент» в положениях 2, 3, 4, 5 (этот момент уже отмечался выше): возможно, было бы лучше употребить термин «показатель», хотя явным недостатком это не является.

Личный вклад соискателя определяется разработкой уже упоминавшейся выше авторской методики определения числовой эквивалентности, внедрением этой методики (практическим анализом 267 русскоязычных переводных текстов сопоставительно с 6 оригиналами на латинском, английском и древнегреческом языках; отдельные тексты анализировались также с привлечением французских промежуточных переводов), а также освоением ряда трудов по теории и практике перевода (в списке литературы 131 источник, в т. ч. 37 работ на иностранных языках; а также 14 словарей). Особо следует сказать про поиск и систематизацию переводов, описанные на с. 89–90. П. А. Сикацкая отдает должное сайту horatius.ru, где тексты переводов собраны и приведены Г. М. Севером – автором сайта; однако, ряд последних переводов Горация, существующих на просторах интернета, не попал в поле зрения Г. М. Севера, так что исследователю пришлось самой дополнять собственную выборку. Переводы У. Блейка и Сапфо, очевидно, не систематизированы таким же образом, поэтому автор диссертации была вынуждена осуществлять выборку самостоятельно. Прделанный труд впечатляет. Ссылки на отобранные тексты даны в работе при помощи QR-кодов, что вызывает отдельное уважение.

Применением разработанной методики к множеству переводов определяется **достоверность полученных результатов**. При поверхностном прочтении работы не всегда понятно, как получено то или иное число в той или иной таблице; но подробное разъяснение абсолютно каждого числового значения – «внутренняя кухня» исследования – в принципе не входило в задачи диссертации. Следует понимать, что в случае подробного разъяснения

диссертация получилась бы в несколько раз объемнее, да и читать ее было бы труднее. Впрочем, выразим надежду, что П. А. Сикацкая в дальнейшем издаст данное изыскание в виде монографии, где и сможет подробнее прописать технические стороны подсчетов.

В структуре рецензируемой работы выделяется три основных главы (теоретическая, методическая и практическая), а также введение, заключение, списки источников, словарей, использованной литературы, иллюстративного материала, сокращений и условных обозначений. В 6 приложениях помещены итоговые таблицы с расчетами коэффициентов эквивалентности. С точки зрения композиции работа стройная и гармоничная.

Первая глава посвящена множественности и эквивалентности, заявленным во введении и в автореферате как две основные теоретические проблемы исследования. В подразделе о множественности П. А. Сикацкая выходит на это понятие (множественность) в опоре на трактовку И. С. Алексеевой, после чего подробно характеризует историю разработки проблемы множественности в опоре на исследования Е. С. Шерстневой. Приведены фамилии важнейших исследователей: Р. О. Шора, А. В. Федорова, Х. Ортега-и-Гассета, Ю. Д. Левина, Р. Р. Чайковского и др. В подразделе об эквивалентности рассматривается данный термин (эквивалентность), осуществляется его закономерное разграничение с «адекватностью» и (менее закономерное, но предсказуемое) с «переводимостью», после чего обзорно и тем не менее с достаточной для работ такого уровня полнотой рассматриваются концепции, универсальные модели и уровневые теории эквивалентности. На наш взгляд, этот подраздел мог бы быть поточнее прописан в автореферате; чрезвычайная компрессированность привела к тому, что исследователь пишет: «...Г. Егер и А. Д. Швейцер, В. Н. Комиссаров выделяют 4 уровня достижения эквивалентности – прагматический, денотативный, сигнификативный и синтаксический» (с. 10 автореферата). С точки зрения истории

переводоведения это неправильно, у В. Н. Комиссарова во всех изданиях его работ уровни эквивалентности называются по-другому. К счастью, полный текст диссертации дает иное представление о сказанном: автор работы просто ставит в соответствие (с. 45) уровни Г. Егера и А. Д. Швейцера уровням эквивалентности в трактовке В. Н. Комиссарова (с добавлением 5-го уровня). Описанное соответствие можно было бы добавить и в автореферат, даже если бы и пришлось потратить на это отдельный абзац.

Отдельный раздел первой главы посвящен проблеме перевода поэтического текста. Опять же в опоре на существующие труды по вопросу (в частности, В. М. Жирмунского) описаны важнейшие для переводчика характеристики поэтического текста: размер, стопность, каденция, рифма. Почему-то в этот же ряд далее попала звукопись, лексические и синтаксические повторы (с. 49), хотя эти явления не отличают поэтический текст от прозаического. В подразделе «Классификации методов перевода поэтического текста» (с. 50–52) приводятся трактовки буквального, вольного и адекватного перевода в соответствии с классификацией Л. А. Мусориной 2000 г. и Э. Раумы 2008 г. Выражаем сожаление, что в данном разделе нет ссылки на А. Д. Швейцера (хотя его работа 1988 г. «Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты» и есть в списке литературы), ведь именно с именем А. Д. Швейцера связывают указанное разграничение.

Вторая глава, «Методика измерения эквивалентности поэтического текста», делится, как и первая, на три параграфа. Гармоничность композиционного деления, уже отмеченная выше, подтверждается одинаковой логикой членения теоретической и методической глав. Исследователь описывает процедуру работы с исходным и переводными текстами: сначала осуществляется анализ исходного текста (изучаются особенности языка оригинала, собираются метаданные об ИТ, проводится текстологический и композиционно-тематический анализ, выбираются аспекты измерения эквивалентности); затем имеют место подготовительные переводческие манипуляции: выполнение подстрочного перевода, выделение

единиц перевода, работа с лексикографическими источниками, сбор переводных текстов и техническая подготовка к их измерению. После этого осуществляется собственно исследование по разработанной автором методике: подсчитываются показатели метрической, метрико-композиционной, культурно-исторической, семантической, семантико-текстологической эквивалентности, а также эквивалентности образов. На наш взгляд, строение главы полностью отвечает задаче перехода от теории к практике. В тексте отражена процедура работы автора с текстом; нюансы этой работы вызывают, конечно, вопросы и замечания (см. ниже), но в целом после прочтения главы становится ясно, что П. А. Сикацкая делает с сопоставляемыми текстами в 3-й главе. В качестве замечания укажем на крайне небольшое количество ссылок в главе 2. Понятно, что исследователь выстраивает свою методику сама, однако опору на предшественников никто не отменял. В подразделе о композиционно-тематическом анализе можно было бы сослаться, например, на труды Л. Г. Кайды, В. Г. Гака, Н. А. Купиной и Т. В. Матвеевой, А. И. Келер и др.

Наконец, третья глава, по объему примерно равная первым двум в сумме, посвящена измерению переводческой эквивалентности выбранных шести поэтических текстов при помощи разработанной методики. Все подразделы этой главы выстроены по общей логике: «Общие сведения о стихотворении» → «Единицы перевода в стихотворении...» → коэффициенты той или иной эквивалентности. Различия в исследуемых коэффициентах оговорены выше, в методической главе: так, коэффициенты эквивалентности образов определялись только для стихотворения Квинта Горация Флакка III:IX Ad Lydiam («К Лидии»). В главе II читаем: «...мы обнаружили немалое количество образов, описанных в виде метафор, сравнений и эпитетов. Все образы были оценены нами по особой шкале, аспект был назван аспектом образности» (с. 75). Применение вместо метрической эквивалентности метрико-композиционной при идентификации переводов «Тигра» У. Блейка также находит свою справедливую аргументацию в гл. II: «Если мы

обратимся к ИТ, то среди особых деталей его композиции присутствует, во-первых, лексический повтор слова “Tyger”... Вторым подпараметром была передача риторических вопросов... Третий композиционный подпараметр – кольцевая композиция... Последний подпараметр – об агнце, который является антагонистом тигра, и потому его упоминание также показательно... Наличие и отсутствие всех этих элементов добавляют к метрической шкале композиционный параметр, поэтому метрико-композиционная шкала является подвидом метрической» (с. 97). Такого сорта оговорки, хотя и вызывают вопросы (см. ниже), в целом представляются корректными, соединяющими разные главы работы в единое целое, а также иллюстрирующими собственное мнение автора.

В заключении, как справедливо написано в автореферате, «подведены итоги диссертационного исследования, обобщённо изложены полученные результаты, а также представлены возможные перспективы дальнейших изысканий» (с. 15 автореферата). Нареканий заключение не вызывает, единственное – оно опять же могло бы быть написано более подробно.

В связи с проанализированным материалом хотелось бы задать несколько вопросов.

1. Как не раз отмечается в работе (с. 25, 30, 38, 79, 85, 88 и далее), эквивалентность связана с содержательным соответствием перевода оригиналу. Между тем, один из основных измеряемых Вами аспектов – метрическая эквивалентность, а метр и ритм – стороны формальные (как верно и замечено на с. 48–49). Справедливо ли употребление термина «метрическая эквивалентность», не возникает ли здесь противоречия? То же самое явление называется, например, со времен К. Чуковского «эквиритмичность»³ – не логичнее ли было бы использовать этот термин?

2. Почему в первом из анализируемых стихотворений (“Ad Leuconoën”) приведено подробное разбиение на единицы перевода (с. 111), а во всех

³ Чуковский К. И. Высокое искусство. М., 1941. С. 56. См. также, например: Томашевский Б. В. Стих и язык : Филол. очерки. М. ; Л., 1959. С. 72.

остальных – нет? Такое написание, как, например, в виде табл. 20, 24, 26 и далее – без предварительной полной сегментации текста, – очень сильно осложняет восприятие. Кажется, что в поле внимания исследователя попали не все семантические и культурно значимые ЕП, из чего следует, что и подсчеты могли бы быть другими при большем количестве тех и других.

Изменяются ли результаты Ваших подсчетов, если при подробном повторном анализе обнаружатся еще единицы перевода, не замеченные Вами? Насколько меняет результаты подсчетов одна незамеченная ЕП?

3. Проблемным и спорным представляется использование процентных шкал с одинаковым «шагом» между ними: например, прогрессия (80, 70, 60, 50, ...) на с. 102; прогрессия (0, 25, 50, ...) на с. 108 и др. Одинаковый «шаг» означает, что в разных случаях возникают потери одного и того же характера. Но ведь каждый перевод уникален, и отождествления такого сорта очень опасны! Простой пример: на с. 163 утверждается, что при передаче *forests* «еще ниже оценены варианты... *долы* и *недра*». Не кажется ли Вам, что *долы* и *недра* должны оцениваться по-разному: всё-таки первое – пространство наземное, как и *forests*, а другое – подземное? (В аду, насколько мы помним хотя бы из «Потерянного рая» Мильтона, деревья не растут.)

4. На с. 97 Вы пишете, что метрико-композиционная шкала – подвид метрической. Однако тогда неверным представляется упоминание в табл. 6 (с. 75) двух различных аспектов эквивалентности стихотворения У. Блейка “The Tyger”: метрического и метрико-композиционного. Следовательно, неверным представляется и утверждение над этой таблицей: «...у данного ИТ <стихотворения Горация “Ad Lydiam”>, а также у стихотворения У. Блейка. The Tyger получилось больше всего аспектов, в рамках которых можно измерить эквивалентность» (с. 75). Больше всего аспектов у стихотворения «К Лидии», а у «Тигра» их столько же, сколько у остальных текстов.

Поясните это противоречие, тем более что в § 4 главы III нет отдельного раздела, посвященного собственно метрической эквивалентности переводов стихотворения У. Блейка “The Tyger” оригиналу:

подраздел 3 указанного раздела называется «Коэффициенты метрико-композиционной эквивалентности» <выделено нами. – *Рец.*>.

5. Просим также пояснить утверждение «ГЗ совпадает, насколько оно может совпадать при имеющихся ПЯ», на следующем примере. В первом же стихе первого же разбираемого Вами стихотворения встречается известная форма *perfectum coniunctivi activi (quaesiēris)*, изучаемая студентами еще на 1-м курсе. В русском языке есть условное наклонение, но нет его изменяемости по временам. При этом очевидно, что форма может быть передана и наклонением изъявительным при сохранении или несохранении совершенного вида. Но как же быть со временем в этом случае?⁴ (Если *perfectum* передано, например, настоящим по-русски, это считается за сохранение времени или нет?) Как будут оцениваться в процентном соотношении следующие варианты: *не спрашивай; не спрашивала; не спрашиваешь; не спросишь?*

К тексту работы имеется ряд замечаний, некоторые из них уже изложены выше: чрезмерная сжатость автореферата, отсутствие таблиц, которые позволяли бы видеть, каким образом те или иные единицы перевода отбирались для подробного анализа, и, соответственно, заставляют читателя предполагать, что какие-то единицы пропущены, «потеряны» исследователем. Выскажем и еще замечания.

1. В тексте не прояснена разница между «ритмом» и «метром», хотя эти термины употребляются в основном верно. Желательно было бы где-то оговорить разницу в опоре, например, на труды М. Л. Гаспарова, что первое – это реальный рисунок идеального второго, существующий в конкретном стихотворении.

2. Выразим несогласие с утверждением на с. 48: «Если текст большого объёма, то его и ПТ получается описать только вербально, как, например,

⁴ Проблема здесь в том, что в латыни перфект, как и в ряде европейских языков, сохраняет и видовое, и временное значение. Перефразировать наш вопрос можно так: если сохраняется одна из категорий (вид или время), а другая утрачивается, как это выражается в процентном соотношении при потере *coniunctivi*?

делает В. В. Карапец на материале десятка переводов "Госпожи Бовари" [Карапец, 2017. С. 143—153], или описать точнее, но фрагментарно [Скляднева, 2015. С. 218]». Объем анализируемого текста не влияет на объем исследования. Можно исследовать сколь угодно длинный текст, при этом делая его микротекстовую разметку (например, тематическую или ритмическую) и выводя эту разметку в приложение к диссертации или, например, к монографии.

3. Недостатком также считаем указание диапазонов типа «70–84,9 %», «50–69,9 %» (с. 105) – и при этом «выше 85 %» и т. д. Такие диапазоны оставляют «лазейку» для значений типа 84,99 % (с. 256, строка 5 таблицы) – куда попадёт такое значение: в «наиболее высокоэквивалентные» или в «относительно высокоэквивалентные»? Для корректного учета всех возможных диапазонов было бы полезно использовать математические знаки $>$, $<$, $\geq$, $\leq$.

4. На с. 76 читаем: «в стихотворениях ... отмечается насыщенность предикатами с актантами, что обращает внимание переводчика и впоследствии – читателя на содержание и динамику текста». Обращаем внимание многоуважаемого диссертанта, что предикат без актантов крайне редок хоть в русском, хоть в латинском языках. В «Грамматике» С. И. Соболевского находим, конечно, список из 36 безличных глаголов⁵; но ведь семантический актант при них возможен (ср. *me decet* – «мне прилично», где *me* может и подразумеваться, и т. д.). Возможно, в данном случае нужно было сказать «с формально выраженными актантами».

5. На с. 49 обнаруживаем, мягко говоря, нечеткое понимание явления «текстовой категории». Советуем диссертанту обратиться к трудам

⁵ Соболевский С. И. Грамматика латинского языка. Теоретическая часть. М., 1948. С. 114–115.

И. Р. Гальперина, З. Я. Тураевой, Т. В. Матвеевой⁶ для прояснения этого термина.

Однако в целом, несмотря на высказанные недостатки и замечания, работу нужно признать состоявшейся и завершённой. Достоинством исследования является, помимо перечисленных выше, ещё и корректное оформление, малое количество речевых погрешностей (к таковым можно отнести, например, лишнее «то» на с. 85, строка 6 сверху, или пропуск запятой перед тире на с. 97, строка 12 сверху), точность цитат и библиографических ссылок – правда, как уже говорилось выше, при сравнительно небольшом списке использованной литературы.

Результаты исследования прошли апробацию в 10 опубликованных научных работах, 3 из которых изданы в журналах, рекомендованных ВАК РФ; 1 – в сборнике научных трудов, 6 – в сборниках и материалах конференций различного уровня. Автореферат и публикации достаточно полно отражают основные положения диссертации.

В целом диссертация П. А. Сикацкой является научно-квалификационной работой, в которой на основании выполненных автором исследований разработаны теоретические положения, совокупность которых можно квалифицировать как научное достижение. Она соответствует требованиям пп. 9, 10, 11, 13, 14 «Положения о присуждении ученых степеней», предъявляемых к кандидатским диссертациям, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24.09.2013 № 842, а её автор, Полина Алексеевна Сикацкая, заслуживает присуждения искомой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.8 – Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки).

Отзыв о диссертации П. А. Сикацкой составлен кандидатом филологических наук (10.02.01 – русский язык, 10.02.20 – сравнительно-

⁶ См.: Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981; Тураева З. Я. Лингвистика текста. М., 1986; Матвеева Т. В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий. Свердловск, 1990 и др.

историческое, типологическое и сопоставительное языкознание), доцентом Владиславом Игоревичем Бортниковым и кандидатом филологических наук (10.02.01 – Русский язык), доцентом Сергеем Олеговичем Горяевым.

Отзыв обсужден и одобрен на заседании кафедры русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации ФГАОУ ВО «УрФУ имени первого Президента России Б. Н. Ельцина» (протокол № 7 от 29 июня 2026 года). Присутствовали 23 из 25 научно-педагогических работников кафедры.

Зав. каф. русского языка, общего
языкознания и речевой коммуникации
ФГАОУ ВО «УрФУ имени первого
Президента России Б.Н. Ельцина»
620062, Свердловская область,
г. Екатеринбург, ул. Мира, 19
Тел.: +7 (343) 375-44-44
E-mail: philology-urfu@yandex.ru

Е.Л. Березович

«6» июня 2026 г.

Сведения о ведущей организации.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина» (ФГАОУ ВО «УрФУ имени первого Президента России Б. Н. Ельцина»)

Россия, 620062, Уральский федеральный округ, Свердловская область,
г. Екатеринбург, ул. Мира, 19